

В ЧЕХОВСКИХ МЕСТАХ

Не все поезда останавливаются у перрона небольшой станции, на полпути между Подольском и Серпуховом. Поезда дальнего следования проносятся мимо приземистого здания вокзала столь стремительно, что любознательный пассажир, прильнувший к окну вагона, еле успеет прочесть название станции: «Лопасня».

Любознательных людей становится больше — самая крохотная точка на карте страны представляет для них интерес; вот и тихую Лопасню нельзя миновать, не вспомнив, что она без малого ровесница самой Москвы. Это, во-первых. А, во-вторых, с Лопасней связано имя Антона Павловича Чехова.

«Если я врач», — писал он одному из своих адресатов, — то мне нужны больные и больница; если я литератор, то мне нужно жить среди народа... Нужен хоть кусочек общественной и политической жизни, хоть маленький кусочек...».

Это говорилось Чеховым в письме в 1891 году. То была пора, вошедшая в историю общественной жизни в России под названием «безвременья». В ледяных темницах Сибири были заточены тысячи смелых, гордых, вольных людей. Так называемые друзья народа, еще недавно носившиеся со своими проектами «мужичьего бунта», сложили оружие, облынали, ударились в проповедь «мелких дел», шли на сделки со своими вчерашними врагами, довольствуясь скромной надеждой на то, что Россия в конце концов получит из рук самодержца купчую и жалкую либеральную конституцию. Буревестник революции еще не взмыл ввысь, и многим честным и искренним людям, мучительно искавшим выхода из темного царства старой России, еще неведома была фигура русского рабочего, на долю которого потом выпала историческая миссия быть могильщиком этого темного царства со всеми его свинцовыми мерзостями.

Чехов не примыкал ни к радикалам, ни к либералам, ни к народникам, отошедшим с идейных позиций шестидесятых годов, хотя и болтавших в своих легальных изданиях о верности священным традициям революционеров-демократов. Но Чехов был настоящим сыном своего народа. Своим пером он хотел служить этому народу. Призвание писателя он видел в том, чтобы

правдиво отображать народную жизнь. «Художественная литература», — писал Чехов, — потому и называется художественной, что рисует жизнь такую, какова она есть на самом деле. Ее назначение — правда безусловная и честная».

В пору зрелости своего таланта писатель поселился в деревне Мелихово, в шестнадцати верстах от железнодорожной станции. Это была деревенская глушь. На фотографии в Чеховском музее мы видим старое Мелихово. Зима. Крестьянские избы еле видны за снежными сугробами. Все погружено в зимний сон: и избы, и редкие ветлы на улице, и кажется, заснула, прикорнув к коновязи перед «монополькой» худых кровей клыча, — в ней была заключена вся мужичья энергетика. Старуха-нищенка бредет, опираясь на палку, вдоль улицы...

Чехов прожил в Мелихове шесть лет (1892—1898 гг.), отдавшись своей потребности быть с народом, войти в его мир, отразить в своем творчестве его судьбу. Живя во все времена года в Мелихове, Чехов видел не одну эту деревню, а всю крестьянскую Россию. И хотя мелиховские старожилы находят во многих героях рассказов, повестей и пьес, написанных в этой деревне, черты тех или иных лиц, встречавшихся писателю, — в книгах Чехова дана широкая, обобщающая картина народной жизни в России, даны типы и характеры.

Чехов не искал в деревне глуши, в которой слышнее голос лирный, его дом не был уединенным приютом вдохновения и творчества. Дом этот находился в местности, ничем особым не замечательной. Не было особых красот природы в этой местности и даров той же природы не было здесь. Деревни утились по берегам речек и оврагов, избы сбивались тесно в одну кучу — в огромном всероссийском просторе, захваченном в частную собственность благородным дворянством и чумазыми ленд-лордами, не находилось места для того, чтобы поставить избы не впритык одна к другой; суглинки и супески, худосочный лесок, унылые луга, пустынные болотца, над которыми не задерживались журавли, — такова была картина той местности, где жил и трудился Чехов.

Чехов любил в России многое, он любил Мелихово, как кусок своей России, и мелиховскую землю он рассматривал, как

ту землю, на которой жил народ большой страны. Вот почему в его книгах много и любви, и печали, и гнева. Ему, конечно, были дороги слова Некрасова: «Кто живет без печали и гнева, тот не любит отчизны своей...» Печаль Чехова вызывалась судьбой крестьян, задвленных властью тьмы, нуждой и горем, эксплуатацией со стороны помещичьего дворянства, державшегося за свои привилегии, и молодой отечественной буржуазии. Гнев Чехова вызывали враги трудового народа — образы их нарисованы писателем с такой же силой обличения и разоблачения, какую мы находим в Некрасовской и Щедриной сатире.

— Я не барин, я доктор, — говорил Чехов мужикам и бабам, приходившим в его дом, дверь которого была открыта навстречу людям, нуждавшимся в помощи знающего, интеллигентного человека. И двери крестьянских изб были открыты этому человеку, входившему в них то в качестве земского врача, то в роли участника первой всероссийской переписи населения, то просто на правах хорошего человека, истинного и искреннего друга народа. Он построил в Талеже, в Новоселках, в Мелихове школы, которые были лучшими в Серпуховском уезде, и крестьяне называли его отцом своих детей. Он поднимал деревенских обитателей на общественные, мирские дела: по его плану крестьяне рыли пруды, строили пожарные сараи. Он был непременным участником крестьянской сходки. Он был простой, внимательный человек, а его борьба с азиатской холерой, дошедшей в 1892 году до подступов к Москве, — пример самоотверженного труда русского врача и гражданина.

Чехов не примирился с действительностью его поры. Он осудил и то, что было слабой стороной крестьянского мира, — недаром так называемые «друзья народа» в свое время упрекали автора «Мужиков», «В овраге» в сгущении красок, в холодном скептицизме и даже в недостатке любви к тому выдуманному мужику-общиннику, в душе которого народники видели все русское богатство, средоточие высоких нравственных качеств. Критики Чехова желали видеть в его книгах сурового, шоколадного мужика, писатель же рисовал крестьян разных — и хороших и плохих, настоящих мирян и мис-

серов. И верил он, что живые силы народа не будут сгублены никакими лихолетьями, что суждено ему славное будущее.

Мелихово, Талеж, Новоселки, Лопасня находятся в наши дни под тем же невысоким небом средней полосы России, под теми же долготами и широтами, — но все коренным образом изменилось на земле, которой отдал свою любовь и боль, думу и слово великий русский писатель.

Сойдя с электропоезда на перрон железнодорожной станции и выйдя на дорогу, ведущую от Лопасни к Мелихову, вы попадаете в бодрую, веселую атмосферу всеобщей стройки. Вот остались позади белокаменные, нарядные, веселые дома поселка, вставшие буквально в последнее время на окраине районного городка; началась за железнодорожной линией сельская местность, но и здесь то и дело глаз отмечает новое, вошедшее в сельский пейзаж, сообщившее ему черты и приметы социалистической эпохи. Уже нет как будто разницы между укладом села и тем, что есть в районном городке: каменная стройка появилась и в деревне, встали над ее крышами антенны радио, свеженькие мачты говорят о том, что под эти крыши проник телевизор. Несутся по большаку грузовые и легковые автомобили, к берегу желтеющего моря спеющих хлебов выходят уверенной поступью комбайны, и красный флажок на могучей машине говорит о трудовой доблести ее водителя — молодого, стройного, тонколицего парня, в котором трудно опознать потомка тех мужиков, жизнь которых изображал Чехов.

«Тяжелый труд», — заявлял писатель в своих «Мужиках», — от которого по ночам болит все тело, жестокие зимы, скудные урожаи, теснота, а помощи нет и неоткуда ждать ее... Да и может ли быть какая-нибудь помощь или добрый пример от людей корыстолюбивых, жадных, развратных, ленивых, которые наезжают в деревню только затем, чтобы оскорбить, обобрать, напугать?»

Сметены революцией те «герои», которых с сатирической силой обличал Чехов: унтера-пришибевы, человеки в футлярах, земские пустозвоны, праздные, скучающие барыньки, чужеспинники и захребетники. Революция вычеркнула старые понятия: «мужики», «бабы». Мы уже не те русские, что были до 1917 года, и Русь уже не та, и люди на великой Руси выросли

новые, те люди, о которых мечтал писатель, — свободные, энергичные, волевые, просвещенные, люди, преобразующие жизнь на земле.

Лопасненский район не относится к передовым районам. Здешные люди скромно отзываются о своей роли в экономике Московской области: «...Нам далеко еще до Ленинского района, до Раменского, до Луховиц». Еще сказывается скудость здешних почв, ждут мелиоратора места низменные, заросшие мелким осинником и ольхой... Но люди уверены в том, что скоро загремит слава и об их местности и догонят они именитые районы, названия которых фигурируют в прессе. Какая огромная сила появилась здесь! Нет бывшего «оврага» между городом и деревней! Уже сто двадцать селений электрифицировано — это шестьдесят километров высоковольтных линий построено колхозами. Вот войдет в строй Бегичевская электростанция на реке Наре да четыре деревни подключатся к государственной электросети — и весь район будет сплошь электрифицирован. А механизация сельского хозяйства! В 1953 году на уборке урожая работало 34 комбайна — это почти в шесть раз больше, чем в 1950 году. По колхозам зоны Лопасненской МТС обработка почвы под зерновые культуры и их посев сплошь производятся машинами. На шоссе и проселках, в поле, на лугу машина встречается гораздо чаще, чем лошадь. Вот уже в районной газете «Красное знамя» появилась веселая карикатура на сивку-бурку: ее фигура воздвигнута на пьедестал, ей присвоено название «священного животного», — до такой степени колхозные вожаки сваливают всю работу с лошади на стальную конницу...

В той же газете то и дело встречаются портреты потомков чеховских героев. С газетного листа смотрят на читателя занятые в профиль и в анфас, в производственных условиях и на отдыхе колхозники и колхозницы, трактористы, комбайнеры, полеводы и животноводы. Что стало с людьми — подумать только! Птичница из Мелихова Пелагея Васильевна Мызникова выступает с трибуны районного совещания, и слушают ее речь ученые люди — вот тебе и внучка темной «бабы» из чеховской книги, путь которой шел по узкому кругу — «от бога до порога» и фамилия которой, конечно, не фигурировала не только в столичных «Биржевых ведомостях», но даже в скромном уездном лист-

ке. А Евгения Александровна Агафонова известна как Герой Социалистического Труда, ее книжка «7.432 литра молока от каждой коровы» есть в каждой колхозной библиотеке. Евгения Александровна выступала на читательской конференции в Лопасненском сельскохозяйственном техникуме, о чем поведала та же газета.

Чеховские школы были редкими оазисами в бывшем Серпуховском уезде. Ныне в Лопасненском районе — 38 начальных школ, 13 семилетних, 5 средних, и учились в этих школах в прошлом учебном году 6.822 человека. А, обучившись, крестьянский парень не ищет приложения своих знаний где-то далеко от отчего крова: широкое полеприще открывается перед человеком не только в городе, но и в деревне. Нужны ей механики, агрономы, учителя, медики, мелиораторы, лесоводы, садоводы, — благо воспеты Чеховым вишневые сады шумят своей зеленой листвою по колхозным усадьбам...

Кусок земли, где жил и работал Чехов и который украсил он трудами рук своих, находится по глубине России, слившись своим обликом с лицом сел и деревень большой индустриально-колхозной округи. Чехов часто выражал мысль о том, чтобы каждый из нас оставил после себя школу, колодезь или что-нибудь вроде, чтобы жизнь не проходила и не уходила в вечность бесследно. Так вот и происходит в чеховской местности, по всей земле, сыном которой был писатель: строительством, созиданием, творчеством каждый человек новой эпохи, каждый человек, ставший хозяином своей судьбы и своего труда, украшает землю. В колхозе имени Чехова, пожалуй, нет крестьянина или крестьянки, не проникнувших сознанием своей миссии, значения своего труда.

— Наш колхоз — лучший в районе, — заявляет мелиховский житель Михаил Прокофьевич Симанов. — Все у нас есть — электрический свет, машины, хороший скот, клуб, кино, книги, школа, образованные люди, хорошие вожаки. Взять председателя колхоза Ивана Григорьевича Пчелинцева. Золотое сердце у человека: думает, печется денно и нощно о народном благе. Таких людей в старое время у нас не было, — уж это-то хорошо я помню. Помню не только по незабвенным сочинениям Антона Павловича Чехова, но и по своей личной жизни...

И. РЯБОВ

Мелихово, Московской области

ПРАВДА
4 ИЮН 1954